

И. В. Витер
КАМЧАТСКИЕ ПУТЕВЫЕ ЖУРНАЛЫ
ЕПИСКОПА ИННОКЕНТИЯ

Иван Попов, Иоанн Вениаминов, епископ Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский (1797–1879), прожив богатую жизнь, оставил после себя научное наследие, которое служит ценным источником для изучения его яркого жизненного пути и истории Камчатки, Алеутских островов, Якутского края.

Особый интерес вызывают его путевые журналы, которые он вёл во время двух поездок по Камчатке в 1842–1843 и в 1846–1847 гг. Эти поездки являлись составной частью путешествия епископа Иннокентия по вверенной ему Камчатской епархии. Первое путешествие длилось 174 дня, второе – с 9 мая 1846 по сентябрь 1847 г. Столь длительные поездки, причём связанные с огромными неудобствами, сам епископ объяснял необходимостью иметь возможно верные сведения о состоянии всех церквей и причтов и о их нуждах, что давало бы ему возможность обстоятельно действовать при управлении вверенной ему епархией.

Первым пунктом пребывания на Камчатке в 1842 г. был Петропавловск. Здесь он обратил внимание на необходимость изыскать средства к безбедному существованию камчатского духовенства: «Относительно Петропавловского духовенства... всех кого можно, в том числе и учеников духовного училища, как только установится дорога, разослать по тем местам, где достаточно рыбы, а оставшимся отдать часть провизии нашей, привезённой из Ситхи» (1, с. 74).

Дал характеристику внешнему состоянию церкви, составу и содержанию причта, прихожан, внутреннему состоянию церкви. «Главная церковь очень обширна по числу жителей, внутри украшена благолепно, иконостас резной с колонами, образа в иконостасе очень хорошей живописи. Здание деревянное, ещё довольно крепкое, только колокольня и западная часть скривились на запад от сильных ветров.

Петропавловский приход состоит из 852 душ, в числе которых большая часть заезжих из России чиновников и служащих, собственно же Камчадалов очень немного – 80 душ» (там же, с. 75–76).

Подробно остановился о. Иннокентий на описании деятельности духовного училища, которое он нашёл по нравственной и учебной частям в должном порядке, отметив, что ученики знают даже больше, чем положено по уставу. Состояние духовного правления, отмечает епископ, при всех недостатках средств и трудности сношений, находится в должном порядке. При этом он предлагал конкретные меры по улучшению их работы.

Отметив в дневнике факт отбытия из Петропавловска, о. Иннокентий представил план своего пути. Этот план впечатляет. Предполагалось из Петропавловска проехать по восточной стороне Камчатки через селения Малкинское, Мильковское и Ключевское в Нижнекамчатск и оттуда через те же селения возвратиться в Малкинское и проехать в Большерецк, из Большерецка по западному берегу Камчатки, через Ичу и Тигиль – в Лесновское селение, оттуда опять переехать на восточный берег Камчатки в Дранкинское селение и через Олюторские селения направить свой путь через Камчатский полуостров к вершине Пенжинской губы, а затем по северному берегу Охотского моря, через Гижигу, Ямск, Тауйск, прибыть в Охотск.

В каждом селении, помимо изучения дел церкви, давались наставления: «Сказано священнику: учить всех детей обязанностям их во время удобное... Сказано и прихожанам, чтобы они посылали детей своих, когда позовёт священник, и когда они придут от него, то спрашивали бы, чему он учил их» (1, с. 87).

В селении Мильково о. Иннокентий отметил, что строящаяся церковь не соответствует ни климату, ни местности, ни средствам, и в соответствии с этим составил новый план фасада и дал наставления мастеру относительно всей постройки.

В Нижнекамчатске отмечено, что по количеству и богатству утвари, ризницы церковь есть первая из всех камчатских и прочих в Камчатской епархии находящихся церквей. Нижнекамчатская церковь по времени своего существования самая первая на Камчатке, но по количеству прихожан малочисленна, всего 250 душ, да и в нравственном отношении одна из самых худших. По мнению епископа, это объясняется нахождением здесь до 1812 г. полка солдат и существованием в селении кабака, правда положение постепенно меняется в лучшую сторону. И хотя можно предположить, что за малым количеством прихожан и близостью церкви в с. Ключевском церковь Нижнекамчатская может быть упразднена, но поскольку она является первой на Камчатке, она может быть оставлена как памятник начала христианства в Камчатской епархии. Здесь же может быть монастырь, так как лучшего места для его устройства на Камчатке нет: река богата прочнейшим строевым лесом, изобильна рыбой, много сенокосных мест и возможно заведение скотоводства.

Иннокентий, объезжая вверенную ему епархию, осматривает церкви, беседует с прихожанами, разбирает жалобы, проверяет состояние училищ.

В селении Ича прихожан было 639 человек. «Здесьний приход есть первый из виденных мною, который состоит из одних природных камчадалов, – отмечает епископ Иннокентий, – и потому здесь прилично сказать о нравственной стороне камчадалов. Камчадалы добры, послушны, кротки, услужливы, гостеприимны, верны, терпеливы, набожны и усердны к церкви и её служителям. Но в них вообще нет расположения к деятельности и трудолюбию... В нравственном отношении и религиозном о Камчадалах можно сказать, что они суть добрые и послушные чада церкви» (там же, с. 100).

В окрестностях Тигильского прихода кочевали коряки, которых насчитывалось около 700 человек, но крещённых мало, не более 5 человек. Сами коряки объясняли своё нежелание принимать другую веру так: «Что нам креститься? Мы видим, как живут русские. Русские обманывают, а коряки никогда, ежели мы покрестимся, то будем ещё хуже. Хотим умереть так же, как и нашим предкам велел бог умереть» (там же, с. 103).

В Лесновском селении епископ Иннокентий встретился со своим братом Стефаном Вениаминовым, который в своё время прибыл впервые на Камчатку вместе с ним. Стефан служил в Ключевской церкви, при которой им было открыто церковно-приходское училище (3, л. 317), затем был переведён в 1834 г. в Лесновское. Лесновский приход был самый большой, в нём считалось 831 душа, по приходу кочевали коряки, чукчи и, по утверждению Иннокентия, 150 кочующих камчадалов, имеющих стада оленей. По объективной оценке это был один из лучших священников. Он был вдов и одинок, жил в доме, построенном своими руками. Сверх своих обязанностей о. Стефан в 1843 г. исполнял обязанность сельского лекаря по просьбе начальника Камчатки Страннолюбского. Занимался он лечением, получив наставления от докторов и пользуясь присылаемыми лекарствами. За его рвение и тяжкие труды через Преосвященного Нила ему был исходатайствован пансион, и просили представить Стефана Вениаминова к наперсному кресту. Но епископ Иннокентий пишет, что «Поелику он мне родной брат, то я не могу хвалить его, и ходатайство о награде ему считаю как

бы неуместным... ежели Святейшему Синоду угодно будет наградить его, то на первый раз довольно ему камилавки» (1, с. 112).

Начиная с Тигильского прихода прихожанами были в основном инородцы, и Иннокентий обращает внимание на обучение детей, так как в северных приходах учить можно только через толмача, потому что очень многие не знают русского языка.

«Корякский язык есть главный из всех здешнего края языков. А поэтому необходимо изучить язык сей и сделать его хотя несколько книжным. С сею целью я уволил из Камчатского училища кончившего там курс ученика (сын Стефана) Вениаминова с тем намерением, чтобы он научился говорить по-корякски... Когда же он узнает язык сей и составит словарь под руководством отца своего, тогда будет взят в Ситхинское Училище для дальнейшего образования его» (там же, с. 116).

Благочинный Камчатских церквей, настоятель Петропавловского собора Прокопий Громов, прибывший на Камчатку в 1834 г., пришёл к мысли о необходимости знания языка местных народов и в скором времени изучил тунгусский и корякский языки, перевёл на них молитвы и в своих поездках вел службы на этих языках. Таким образом, идея несения службы на языке коренных народностей была близка просвещённым людям, и епископ Иннокентий сам изучил алеутский язык, составил «Словарь Алеутско-Лисьевского языка» и внёс свой вклад в развитие этой идеи на Камчатке. Именно священники, знающие язык северных аборигенов, имели большой успех при общении с народами Камчатки и их крещении.

Изучив дела северных камчатских приходов, епископ пришёл к выводу о необходимости переноса церкви из Лесновского селения в Палланское, так как прежнее её местоположение было не совсем удобным для прихожан: «Церковь Лесновская существует почти только для одного селения, состоящего из 122 душ, да и те могут посещать её только в течение 6 месяцев, ибо жители в это время (летние 6 месяцев) все до одного отселяются на другое место для запасаения себе пищи, т. к. река Лесная, где находится церковь, совершенно безрыбная» (там же, с. 112–113). Палланское же селение имеет постоянных жителей до 200 человек и стоит на берегу реки, которая являлась самой изобильной рыбой рекой почти по всему западному побережью Камчатки.

Строительство новой церкви по «планам и фасадам» Иннокентия и возведение часовни в Лесновском, на месте бывшей церкви, поручалось Стефану Вениаминову «как опытному в сем деле и имеющему по сей части достаточные практические сведения». Причём предполагалось, что и основные расходы возьмёт на себя лесновский священник. «Если священник Вениаминов уедет, то надобно будет искать и нанимать мастера, и следовательно просить пособия от казны, теперь же, если Господь благословит дело сие, то не потребуются никаких пособий» (там же, с. 115).

Палланская церковь освящена была во имя свт. Николая 16 февраля 1845 г., главным строителем был Стефан Вениаминов.

До Дранкинского селения Иннокентий ехал в сопровождении Прокопия Громова, который отсюда вернулся в Петропавловск, а путь епископа лежал через Олюторские селения в Гижигу в сопровождении своего брата Стефана.

Преосвященный Иннокентий в путевом журнале даёт сведения об общем числе христиан, о внутреннем состоянии церквей. «Паства Камчатской Епархии состоит из 14 разных народов. Общее число душ, просвещённых христианскою верою в Камчатке – 5 289, в Охотской области и Курильском отделе – 6 153 и в Америке до 6 600. Камчатская епархия не велика числом душ, она есть буквально малое стадо Христовой Церкви» (там же, с. 159).

Во время своего осмотра епархии епископ вёл проповеди, речи, поучения, им самим сочинённые, рукоположил пять священников и дьяконов, рассмотрел до мая 1843 г. 877 бумаг, из которых на 428 даны определённые резолюции. «Камчатскому благочинному Громову объявлена признательность, с внесением в послужной список, за примерное его управление и действование по правлению, благочинию и церкви, и в своё время будет представлено о нём Святейшему Синоду» (там же, с. 182).

Преосвященным было отмечено полное отсутствие каких-либо уголовных преступлений в течение не одного десятка лет. Жители местные все послушны, покорны, терпеливы и могут делать добро не на показ, «а так просто, потому что так делали их предки».

Во второе путешествие по Камчатке епископ Иннокентий из Петропавловского порта отправился в Нижнекамчатск, потом вверх по р. Камчатке, посетив находящиеся на ней церкви, вернулся в порт и по западному берегу Камчатки достиг Гижиги, а оттуда – в Охотск.

Сам Иннокентий главную цель второго путешествия по Камчатке видел в том, чтобы «обозреть епархию по обязанности через четыре года после первого... путешествия...» (там же, с. 190).

В путевых дневниках Иннокентий описал достопримечательные события на Камчатке, свидетелями которых он стал.

В каждом населённом пункте он обращал внимание на внешнее и внутреннее состояние церквей и часовен. При этом епископ Иннокентий видел большую зависимость состояния церковного дела от местных условий, которые в дневниках подробно проанализированы. Он с удовлетворением отметил увеличение числа богослужебных зданий, особенно там, где требовала необходимость: «Внешнее состояние церквей и соборов, в сравнении с тем, какое я видел в первое моё путешествие, много изменилось к лучшему. Почти во всех церквях имущество увеличилось количеством вещей или в ризницах, или утвари, или иконах, но более всего в этом отношении замечателен Камчатский собор, где кроме многих малоценных вещей, поступивших в оный, устроены полные священнические облачения со стихарём газетовым, куплен колокол... переменены главные иконы в иконостасе новыми, писаными в Москве» (1, с. 243).

Отметил увеличение числа грамотных, образованных священников, которые не только усердно исполняли свои обязанности, но и занимались особым служением церкви, заботясь о нравственном и физическом здоровье прихожан.

С радостью записывал то, что год от года постепенно увеличивалось число крещённых среди коренного населения. Этому способствовало в значительной степени знание священниками языков местного населения.

Епископ Иннокентий сообщает сведения об общем числе христиан и нехристиан, об отношении к вере коренного населения и пришлых. При этом он замечает, что, хотя Камчатская епархия была невелика числом душ, но по высокому духовному состоянию «могут быть причтены к тому малому стаду, которому благо изволил Бог дать царство» (там же, с. 159).

Это замечание относилось к чертам характера коренных народов. У них он отмечал врождённую доброту и кротость, с крещением они сделались усердными к церкви и исполнению христианских обязанностей без всякого принуждения. Прихожане проявляли усердие в строительстве церквей и часовен несмотря на трудности заготовки и доставки леса.

Что касается пришлого населения, прежде всего русских, по мнению Иннокентия, отношение к церкви у них было разное в зависимости от места проживания. Так, в Петропавловске он отмечал большую набожность, усердие к церкви, любовь к священникам. Но он также, с прискорбием и стыдом, относил некоторых русских к худшим членам церкви. Это выражалось и в невнимании их к состоянию души своей, в незнании, в их «глупой гордости» и «мечтании» о своём преимуществе над «туземцами». Он скорбел о том, что «удаление от родины своей они считают как бы пожертвованием или заслугою обществу, и в вознаграждение за то дают волю страстям и прихотям своим» (там же, с. 162). Но, пишет он далее: «Благодарение Богу! Не все русские таковы, и даже многие совсем не таковы... есть между ними души, верные вере отцов наших, благочестивые и преданные Богу».

В 1846 г. Иннокентий отметил, что в духовном отношении русские стали лучше прежнего, «но чтобы сколько возможно вернее сказать о них, надобно говорить почти порознь о каждом месте» (там же, с. 250). Живущие в Петропавловске отличались большой набожностью, усердием к церкви и любовью к священникам, в чём большая заслуга протоиерея П. Громова. Улучшились дела в Ключевском селении после удаления кабака. Но в селениях Большерецком и Мильковском улучшения никакого не наблюдалось. «Итак, русские, живущие в Камчатке и Охотской области, с одной стороны исполнением своих обязанностей христианских и приношениями в пользу церкви подают добрый пример инородцам, посреди коих они живут. С другой же стороны, как ни прискорбно, но справедливость велит сказать, что пребывание их между инородцами имеет большое влияние на порчу нравов сих последних» (там же, с. 253).

Одной из основных забот епископа во время объезда епархии была забота его о безбедном существовании камчатского духовенства. И одним из путей улучшения содержания причтов он считал увеличение окладов, назначение столовых денег священникам и увеличение жалованья дьячкам по примеру церквей Петропавловска и Охотска. Объясняя необходимость увеличения окладов, он писал, что священнослужители «сверх своих обязанностей по церкви и попечительству, имеют и обязанности служебные, государственные, как-то в Духовном правлении, в Оспенном комитете, депутатов, законоучителей в школе кантонистов и исправляют требы у военной команды» (там же, с. 27).

За период второго путешествия Преосвященным Иннокентием было осмотрено 2 собора, 13 приходских церквей и 3 часовни. За четыре года, прошедшие после первого путешествия, в Камчатской епархии было открыто два новых прихода, построены две новые церкви, две часовни. Все церкви и часовни содержались в должной чистоте, не было недостатка в запасах или вещах, нигде не

было никаких утрат и похищений. «Ризница в порядке и приходорасходные книги в исправности» (1, с. 24). В Палланской церкви священником был Стефан Вениаминов, переведённый из ликвидированной Лесновской церкви. И во втором путешествии о. Стефан сопровождал Преосвященного до Гижиги, куда вскоре был он определён священником, «который несмотря на значительные для него неудобства и потери, с первого слова согласился остаться на служение в Гижиге на несколько лет. За такое послушание, а с тем вместе, чтобы некоторым образом дать ему более возможности и силы действовать на новую паству его, он произведён мною в протоиерея к сей церкви на священнической вакансии, с полным правом настоятеля сей церкви» (Там же, с. 219).

В начале 50-х гг. 19-го столетия о. Стефан служил в Охотской церкви, куда адресовывались письма Камчатского архиепископа Иннокентия. Из писем ясно, что о. Стефан изучил тунгусский язык: «Благая весть ваша о переводе на тунгусский язык Благовестия истинно радует меня» (2, с. 155). И чуть позже о. Стефан высылает Тунгусскую грамматику.

Особой похвалы Преосвященного были удостоены Георгий Логинов, который по закрытии Духовного училища в Петропавловском порту открыл домашнее училище и, продолжая дело П. Громова, преподавал субботние уроки, анадырский миссионер Роман Верещагин и Стефан Вениаминов.

Хорошо изучив жизнь камчатских жителей, проехав всю Камчатку на лошадях и собаках, узнав трудности местных народов, архиепископ Камчатский Иннокентий составил «Особые наставления относительно учения, богослужения и обхождения с инородцами», состоящие из 33 пунктов. Среди них есть такие: «Соблюдать посты так, как соблюдают обыкновенно... тамошние жители почти не могут по самой местности, и пост их удобнее может состоять не в качестве, но в количестве и времени употребления пищи.

Новообращающимся ни до крещения, ни при самом крещении... не позволять делать какие-либо подарки, дабы сие не могло быть для инородцев приманкою или поводом к различным ухищрениям.

Отнюдь не показывая явного презрения к их образу жизни, обычаям и проч., как бы они ни казались того стоящими.

Путешествия предпринимать вовремя, т. е. когда жители тамошние бывают более свободны от промыслов зверей и рыбы, дабы неблагоприятным путешествием не лишить выгоды инородцев.

Чтобы вернее и более быть полезным своим прихожанам, ты должен в непродолжительном времени узнать язык их, на первый раз по крайней мере до того, чтобы понимать. Дьячку же... в непрременную обязанность поставляется узнать язык их совершенно.

Старайся узнать обстоятельно их веру, обряды, обычаи, наклонности, характер и весь быт твоих прихожан, особенно для того, чтобы вернее и удобнее действовать на них» (1, с. 250–259).

Анализ путевых журналов архиепископа Камчатского Иннокентия свидетельствует о том, что состояние Камчатской епархии из года в год улучшалось, и в этом была огромная его заслуга.

Подвиг, совершённый свт. Иннокентием отмечали ещё современники, о чём говорит издание его трудов как при жизни, так и после его смерти. И это свидетельство искреннего уважения к его светлой личности.

1. Творения Иннокентия Митрополита Московского. Кн. 1–3. Собраны Иваном Барсуковым. М., 1886–1888. Т. 2.

2. Письмо Епископа Иннокентия брату Стефану. 10 мая 1852 г. г. Якутск // Иркутские Епархиальные ведомости. 1888. № 17. 30 апр.

3. РГИА ДВ. Ф. 1009. Оп. 3. Д. 12.